
Михаил ПЕРШИН

ТАКТОВАЯ ЧАСТОТА

Рассказ

Герман Викторович Колымака никогда не говорил: «Россия — чемпион мира». Он предпочитал пользоваться формулой «обладатель кубка мира». И то же самое с Европой. Потому что, например, «„Спартак“ — чемпион» — это логично. А тут — что, вся страна играла, что ли?

Когда мы победили «на Европе», всеми овладело... Даже трудно сказать что. Главное — уже перед чемпионатом мы всё знали. Но в глубине души таился червячок: «Сколько раз бывало, что мы вот-вот, на пороге, и — мимо. Вдруг и на этот раз так же?» И когда наконец победили, все надежды, скопившиеся за десятилетия неудач или в лучшем случае полуудач, вылились в ощущение счастья и одновременно — чувства нереальности этого счастья. В душе Германа Викторовича, даром что он был профессионалом, творилось то же, что у самого рядового болельщика. Его молодые коллеги писали статьи, полные энтузиазма, и захлебывались восторгом в теле- и радиорепортажах, но он-то, старый волк спортивной журналистики, знал, что и они живут, как в счастливом сне, и все время опасаются, что наступит пробуждение.

Потом «на мире», было уже поспокойней, но все же... И вот мы — обладатели двух самых дорогих кубков! В стране царил настоящая эйфория, даже сводки уголовной и политической хроники показывали спад напряженности во всех областях жизни. А Германа Викторовича что-то томило. Может быть, возраст сказывался, когда уже ни потери так остро не воспринимаются, ни радости не вызывают такого восторга, как в юности? Но включая запись и в сотый раз наблюдая, как Скарятин обходит четверых и забивает решающий гол, он забывал обо всем. Потому что это было наслаждение чистым искусством и даже уже не играло роли, что в этот миг осуществилась давняя-давняя мечта миллионов его соотечественников (включая автора этих строк).

А потом экран гас, и он снова ощущал какое-то слабое, но неотвязное беспокойство.

Зазвонил телефон.

— Гера, тебя! — крикнула Надежда Федоровна, и Герман Викторович взял трубку.

— Герман Викторович?

— Да, слушаю вас.

— Меня зовут Антон Тармаков. Я хотел бы...

— Простите, а как по отчеству?

— Антон Семенович, извините. Я хотел бы поговорить с вами.

— Я вас слушаю.

— Нет, в смысле, не по телефону. Это такой... Ну в общем, разговор...

Что-то в этом вилянии раздражало, но человек был очень вежлив, и, не найдя повода отказать, Герман Викторович ответил, ругая себя за слабохарактерность:

Михаил Першин родился в 1955 году в Баку, там же окончил университет. Прозаик и драматург. Публиковался в журналах «Юность», «Огонек», «Урал» и др.

— Ну пожалуйста. Мы могли бы встретиться.
 — Встретиться — в смысле?.. Извините, это надо дома. Вопрос очень такой, знаете...
 Не хочу навязываться, я считал бы за честь, если бы вы могли подъехать...
 Еще и «за честь»! Что-то тут не так. Подозрительно.
 — А о чем разговор-то? Может, все-таки по телефону?
 — О чем... — таинственный Тармаков понизил голос и прошептал в трубку: —
 О Скарятине.
 — О Дмитрие Скарятине?
 — Да-да!
 Герман Викторович тяжело вздохнул.
 — Ну что ж. Я, разумеется, никуда не поеду. А вы подходите.
 Тармаков спросил когда. Герман Викторович сказал, что по-стариковски всегда свободен, и продиктовал адрес. Договорились на семь вечера этого же дня.

Гость был пунктуален. Он оказался лет на десять моложе хозяина, тоже, в общем, не мальчик. Надежда Федоровна предложила пройти в гостиную, но Герман Викторович сразу повел его в кабинет.

После нескольких незначущих фраз Антон Семенович достал планшет и включил заранее подготовленное видео одного из лучших скарятинских «моментов» — кусочек из полуфинала последнего чемпионата, когда мы *сделали* Аргентину.

— Вы ничего не заметили? — спросил он, остановив запись в тот момент, когда мяч влетел в сетку.

— Ну... как не заметил? Блестящий момент, я его часто пересматриваю. Вы что имеете в виду? Может быть, когда Вильядо идет из-за его спины...

— Да-да, точно!

— Потрясающий эпизод! Но он уже тысячи раз обсужден в прессе и специалистами. Не стоило из-за этого...

— Извините, Герман Викторович. Я вот о чем: вы не заметили, как Скарятин посмотрел на Вильядо?

— Посмотрел?! В том-то и дело, что он не смотрел! Это как раз все и обсуждали и до сих пор обсуждают — его потрясающую интуицию. Ну как он понял, что тот приближается?

— Вот! — радостно воскликнул Антон Семенович. — А вы говорите, зачем я пришел! Смотрите...

Он снова запустил ролик и, нажав «Стоп» за мгновение до того, как Скарятин ушел от Вильядо, стал прокручивать даже не замедленно, а — по кадрам. На одном из них изумленный Герман Викторович увидел Скарятину, слегка повернувшего голову и скопившего взгляд направо. Но уже на следующем он снова смотрел прямо.

Потом они повторили этот момент просто замедленно, но даже так этот микроскопический поворот не был замечен.

— Теперь понятно, почему никто этого не увидел даже в медленном режиме? — спросил Антон Семенович.

— Простите, — недоверчиво взглянул на него Герман Викторович. — Один кадр — это... Я, конечно, ничего не хочу сказать...

— Да-да, — засмеялся гость. — Я понимаю. Фотошоп, все такое. Вставить один кадр ничего не стоит. Я сам компьютерщик. Давайте какой-нибудь другой эпизод посмотрим.

Он потянулся к планшету, но осторожный хозяин его остановил:

— Давайте на моем.

— Конечно, конечно. Только надо найти именно такие удивительные моменты, где он проявляет, как все говорят, «нечеловеческую интуицию».

Когда через несколько минут Надежда Федоровна вошла в кабинет, неся поднос с чаем, оба сидели, уткнувшись в экран монитора, и хозяин восклицал: «Не может быть!» и «Потрясающе!», а гость: «Что я вам говорил!» и «Это еще не всё!»

Много лет назад Герман Викторович Колымака был одним из тех, кому доверяли комментировать *почти важнейшие* матчи. То есть репортажи о международных полу- и просто финалах вели еще более избранные люди, но уже к четвертьфиналам и даже финалам союзного уровня его допускали. Ясно было, что через несколько лет и он войдет в число избраннейших.

Сломалась карьера Колымаки во время четвертьфинального матча по хоккею, когда наша команда была не в лучшей форме, а финны — в прекрасной, о чем комментатор и не преминул сообщить зрителям. Он без обиняков обсуждал ошибки наших спортсменов и восхищался удачными маневрами их соперников. Во время перерыва в комментаторскую позвонили и, предупредив, что матч смотрит лично товарищ Б., не посоветовали, а попросту приказали изменить тон и делать упор на некомпетентном суждении. Однако то ли излишне честный, то ли недостаточно умный комментатор и во втором периоде остался верен себе. В результате третий комментировал его коллега С., более чуткий к веяниям времени, а Колымаку отстранили от эфира вовсе.

Кстати, хрупкая нервная система товарища Б. не пострадала: в середине второго периода у него вдруг отключился телевизор, как оказалось, по причине поломки антенны, и ему пришлось дослушать репортаж по радио. Немалую роль в этом сыграл эстрадный пародист П., срочно вызванный в Кремль и голосом Колымаки поведавший престарелому генсеку о том, как наша ледовая дружина смогла сконцентрироваться и закатить в ворота противника аж семь безответных шайб, не только сравнив счет, но и разгромив финнов. «Консультанты» яростно шипели в ухо увлечемому П., что это перебор, что достаточно и четырех голов, но высокопоставленный слушатель остался очень доволен, и они же его потом очень хвалили. Некоторые проблемы возникли с тем, что после такой оглушительной победы советским героям конька и клюшки предстояло играть в полуфинале, а затем и в финале, а антенна не может быть неисправной так долго. Но тут выручило мастерство сотрудников Останкинского телецентра, с такой точностью скроивших из старых фрагментов два репортажа, что глаз опытного болельщика ничего не заметил. Кстати, реальные телерепортажи об обоих этих матчах, прошедших, увы, без нашего участия, вел чуткий С., перешедший за один вечер в высшую комментаторскую лигу, а пародист П. получил звание заслуженного артиста и карт-бланш на псевдосоциальные каламбурчики, в результате чего его перестали называть пародистом, возведя в ранг сатирика. Что касается сотрудников телецентра, то они ничего не получили, кроме отгула за сверхурочную работу.

Вскоре престарелый генсек скончался, пребывая в уверенности, что мы были чемпионами по хоккею на один раз больше, чем на самом деле, а еще через несколько лет началась перестройка. Герман Викторович вернулся из опалы в ореоле героя, невольника чести и мученика, который за ним сохраняется и по нынешний день. Равно как, кстати, и сатирик П. считается одним из тех, кто отважно боролся с застоєм на подмостках эстрады.

Эту-то историю и напомнил Антон Семенович в ответ на вопрос Германа Викторовича, почему именно сюда он явился демонстрировать удивительные способности Скарятин. Однако его объяснение еще больше запутало дело:

— Все же я не понимаю, что тут такого, что требовало бы... — Скромный хозяин дома замылся: — Ну этой, как вы говорите... честности. Я так понимаю, что вы мне

предлагаете это опубликовать? Но это ведь не допинг, не использование каких-то недопустимых технических средств. Ну да, он обладает фантастическими способностями. Скажем так — умением быстро реагировать. Это еще понятней, чем какая-то мифическая интуиция. И что? Радоваться надо! Конечно, беспокоит, что у нас только один такой гений. Что будет, когда он уйдет с поля? Но до этого еще далеко. Да и речь сейчас о другом. Что тут такого секретного? Просто замечательная игра природы, божий дар. Вот если бы... Я не знаю, если бы у него какая-нибудь видеокамера была...

Мысль о скрытой камере развеселила самого Германа Викторовича. Но Антон Семенович оставался серьезным:

— Я сейчас вам всё объясню. Извините, если получится слишком длинно. Но тут каждая деталь важна. Я с самого детства отличался какой-то медлительностью. Сейчас это называют *тормоз*. Тогда такого слова не было (ну, в смысле, когда не про автомобиль речь шла), но я все время слышал: «заторможенный, заторможенный». Так я и привык. Ничего, как-то выучился. Я, к примеру, задачи решал не хуже отличников, но получал четверки за контрольные, потому что просто не укладывался до звонка. Ну, не мог играть в шахматы или другие игры на время. Так мало ли других игр на свете? А лет пять назад у меня начались сильные головные боли. Я к тому времени прилично зарабатывал и мог себе позволить любое лечение. Короче, у меня нашли небольшую опухоль и прооперировали в Бурденко. Сам профессор Пихоров, завкафедрой! Вы, может, не знаете, но у кого мозговые проблемы, тем это имя очень хорошо известно. И вот тут-то началось самое интересное! Прихожу я в себя после наркоза и чувствую какой-то дурман. Все говорят еле-еле, движутся медленно-медленно, как будто плывут. И не только люди, предметы тоже. Вот, к примеру, что было прямо на второй день после операции. Подошла ко мне сестра температуру мерить. Начала градусник сбивать, да как-то так неловко, что выпустила его. Я вижу: градусник, как в замедленной съемке, выплывает из ее пальцев и тихо так движется. Я не торопясь протягиваю руку и даже не хватаю, а просто беру его. А сестра мне — я уже начал привыкать, что все так протяжно говорят: «Выу заучзум...» Короче, спрашивает: «Вы зачем это у меня градусник из руки вырвали?» Понимаете? Она даже не поняла, что сама его выпустила, а видит: вот он был у нее в руке, а вот он уже у меня. Ну ладно, отнесли это за счет того, что у меня еще мозги после общего наркоза не пришли в порядок. Да я и сам поверил, что мне привиделось, как градусник летит, а на самом деле я его ни с того ни с сего цапнул. Но день за днем дурман не проходит, всё вокруг в замедленном темпе так и движется. Я тогда Пихорову пожаловался. В общем, чтоб долго вам голову не морочить, он разобрался-разбирался и разобрался наконец. Есть, оказывается, у нас в мозгу узелок Зиденхофера. И этот самый узелок... Я вам по-нашему, по-компьютерному, объясню. У каждого компа — своя тактовая частота. Знаете, что это такое? Два процессора возьмите, с одинаковой памятью, все в них одинаковое. То есть этот делает такую-то цепочку операций, и второй — так же. Только если у них тактовая частота разная, то один эти операции делает так—так—так—так, а второй — та-ак—та-ак—та-ак—та-ак. Понятно? То есть не то чтобы первый мог решать другие задачи, чем второй, но он их быстрее решает. Вот у нас этот самый Зиденхофер как бы такую частоту и задает. У меня, видать, с рождения или опухоль уже была, которая потом разрослась, или просто прижимало его что-то — мало ли в черепае неровностей! — и я был тормозом, то есть не глупее других, но медлительней. А во время операции узелок, видать, задели, и, наоборот, тактовая частота стала гораздо выше, чем у обычных людей. Ведь я этот поворот головы Скарятин не выискивал специально: я его просто заметил, еще когда матч смотрел. Я-то думал, он всем виден. А потом слышу: «Необъяснимо! Нечеловеческая интуиция!» Ну и понял, что у него, у Скарятин, в смысле, тоже без Зиденхофера не обошлось.

— А что, раньше про этот узелок не знали? — спросил Герман Викторович.

— Понимаете, в чем тут штука. Конечно, есть и всегда были люди с повышенной тактовой частотой (я уж буду ее и дальше так называть): летчики какие-нибудь, жонглеры... Кстати, и жулики-карманники особо талантливые. Но они с рождения всё видят таким вот образом, и им это кажется естественным. К примеру, как если дальтонику не показать: это один цвет, а это другой, — он и не будет знать, что в чем-то — не такой, как все. А со мной-то что вышло? Я прежде всё в одном темпе видел, а после — в другом. Вот и заметил. А Пихоров уже с научной точки объяснил.

Антон Семенович откинулся на спинку кресла и отхлебнул остывшего чая. Герман Викторович с некоторым удивлением посмотрел на него и, помолчав, спросил:

— И что дальше? Я все же не понимаю, что тут такого секретного. Ну обладает человек особыми способностями. Ну мы поняли, что это имеет под собой, так сказать, физические причины, и никакой мистики тут нет. Очень интересно. Но что с того? Это ведь не допинг, не что-то запрещенное.

— А вы не замечали, что он матч никогда до конца не доигрывает?

Действительно, в каждой игре Скарятин играл обычно один тайм, редко-редко минут десять второго захватывал, забивал за это время три или четыре мяча, и его заменяли. Но это ни у кого не вызывало удивления, все понимали: человек сделал свое дело, и его надо побережь, тем более что лишнее время на поле чревато еще и травмой.

— Он просто *не может выдержать* все полтора часа! — объяснил Антон Семенович. — По себе знаю. После того, как со мной произошло... ну, это — я стал спать по двенадцать часов. А то и больше. Знаете, почему?

Герман Викторович покачал головой.

— Потому что для меня теперь время растянулось! Двенадцать часов, что я не сплю, — это как для вас больше суток подряд на ногах. Понимаете? Я — как человек, который три смены подряд отработает, а потом сутки отсыпается. И так день за днем. Ничего, я уже привык к этому режиму. Хорошо, у меня работа такая, что можно дома всё делать и результат отсылать. Я за какие-нибудь четыре часа успеваю больше, чем прежде за полный рабочий день. А тогда я, бывало, часов по десять из-за компьютера не вставал. А у Скарятина тактовая частота — куда мне! Ему один тайм — как для нормального футболиста пара матчей, а то и все три! Представляете нагрузку? Для него это каждый раз марафон — причем не просто пробежать, а отыграть на полную катушку. Вот вы дайте марафонскому бегуну мяч, и пусть он по дороге голы забивает — надолго его хватит? Дима просто физически не может больше выдержать. То есть — ясно, да? — тренерам отлично известно, что с ним такое, и его удаляют с поля.

— Не знаю, не знаю. По-моему, тут все равно нет никого секрета, тем более никакого криминала. Просто игра случая.

— А вы любопытства ради поглядите в Интернете про узелок Зиденхофера.

Они присели к компьютеру, но сколько ни искали и в Яндексe, и в Гугле, и на «узелок Зиденхофера», и на «Siedenhofer's junction», не нашли ничего кроме того, что это участок мозга, функции которого *доныне не исследованы*.

— А? — торжествующе подытожил Антон Семенович. — Не исследованы! А вы говорите: нет секрета.

— И что вы мне предлагаете? — спросил растерянно Герман Викторович.

Антон Семенович замялся:

— Честно говоря, я думаю, это все же надо как-то обнародовать. Как? Не знаю. Я думал, у вас есть связи в мире спорта, журналисты, там. А вы как считаете?

— А что тут обнародовать? То, что Скарятин не такой, как все, — это и без нас известно. Объявить, что он болен... Если, конечно, это можно болезнью назвать... Неэтич-

но! И какой результат будет? Его отстранят? За что? А если вдруг признают, что он не может играть наравне с обычными людьми — это страшно подумать, что тогда! Вы представляете, что с вами... с нами сделают миллионы наших сограждан?

— Вот поэтому я к вам и обратился.

— Нет, — покачал головой Колымака. — Это вам не генсека огорчить. Это... народ!.. Спасибо за доверие, конечно. Но тут ничего сделать невозможно. И вам советую никому об этом не говорить.

На том они и расстались.

И все же после этого визита жизнь Германа Викторовича Колымаки изменилась. Чем бы он ни был занят, о чем бы ни думал, вдруг совершенно внезапно перед его внутренним взором мелькал один из кадров, так хорошо изученных им за последние пять лет, — с тех пор, как на спортивном небосклоне взошла звезда Дмитрия Скарятин. Он кидался к экрану, запускал этот фрагмент и видел его совсем другими глазами.

Вот Скарятин бьет пенальти. Раньше этот эпизод вызывал восторг тем, как футболист не то *угадал*, куда прыгнет вратарь, не то *обманул* его, заставив метнуться в сторону от мяча. Но при покадровом воспроизведении стало видно: он заносит ногу и замирает на мгновение... Вратарь делает микроскопический наклон в том направлении, куда действительно должен полететь мяч при таком замахе. Он угадал, вот в чем штука! Но в следующую микросекунду, когда вратарю с нормальным узелком Зиденхофера уже невозможно изменить направление движения, Скарятин чуть изворачивается и бьет в противоположный угол.

Вот Русский Суперсоник — сверхзвуковой, как его называют во всем мире, — направляется к воротам противника. До них еще достаточно далеко, да и движется он не слишком быстро, и противники уверенно бросаются к левой кромке поля, вдоль которой он ведет мяч. И даже не все: кто-то остается в центре, а кто-то даже, зная, с кем имеет дело, бежит направо. Правда, там, справа, второй наш нападающий, но он пока не представляет опасности, хотя бы потому, что владеющий мячом Скарятин *не может его видеть*. Да нет, еще как может! Просто никому, кроме Германа Викторовича, не удалось разглядеть молниеносный поворот головы, за которым и последовал пас, обошедший впоследствии все экраны мира.

И таких моментов — сотни! То, что прежде казалось чудом, нашло вполне материалистическое объяснение. Игра Скарятин и других футболистов напоминает забавы кошки с уже немного придушенной мышью. Его движения — быстрые и четкие, их — кажутся заторможенными. И ему не составляет труда пройти между их по-лунному плывущими фигурами, словно лыжнику между шестами слаломной трассы. Да и голы он забивает мимо фактически неподвижного вратаря.

Что это? Дар спортивных богов, снизошедших к многолетним мольбам русских болельщиков? Случайная игра природы, которая могла забросить этого гения на любой континент и в любую страну, а забросила к нам? Или...

Это «или», посеянное в сознании Германа Викторовича Антоном Семеновичем, не давало ему покоя. Он внимательнейшим образом изучил биографию Дмитрия Скарятин, попытался расписать ее по годам и месяцам. Но, конечно, оставались пробелы, и какие! Где он был, что делал вот в этом году между январем и апрелем? А в этом — между октябрём и Новым годом? А здесь вот указано: «Сборы». Где были эти сборы? В составе какой команды? С каким тренером? Разумеется, все это не вызывало недоумения, пока речь шла о начинающем спортсмене, не интересовавшем на том этапе широкую общественность. Но со временем она, эта общественность, стала вни-

мательно наблюдать за ним, и тогда уже можно было составить дневник его жизни с точностью до дней, ну уж недель наверняка. Но это произошло уже *после* того, как он продемонстрировал свои сверхъестественные таланты. А что было *до* того? В любой из пробелов, включая неидентифицируемые сборы, он мог оказаться на операционном столе.

В ходе своих исследований Герман Викторович убедился, что и сам Скарятин не поможет в его поисках. Казалось бы, что проще — договориться с одним из своих старых товарищей, редакторов спортивных изданий: мол, решил тряхнуть стариной и взять интервью у великого футболиста? Это бы никого не удивило. К тому же интервью подчеркнуло бы преемственность поколений, которая так тешит сердца спортсменов и болельщиков. Однако ни в сети, ни в бумажных изданиях не нашлось ни одного интервью человека, выведшего нашу страну на вершину футбольного олимпа. Оказалось, что запрет *общаться с прессой, за исключением официальных пресс-конференций*, прописан в одном из пунктов его контракта с футбольным клубом «Северная широта», в играх которого он, кстати, практически не участвовал.

Прежде все это тоже не вызывало удивления: представлялось само собой разумевшимся, что несравненный игрок формально числится во второстепенном клубе и защищает только честь всей страны на самых ответственных состязаниях. И даже то, что величайшие игроки прошлого принимали участие в клубных играх, не было ему примером, потому что всем ясно, что любому из них далеко до Русского Суперсоника. Запрет же давать интервью был тем более понятен, что немногочисленные фразы, произнесенные Скарятиным на пресс-конференциях, избежать которых было невозможно, свидетельствовали о таком косноязычии, что уж лучше поддерживать образ таинственного молчаливого гения. Однако в свете возникших сомнений эти же факты выглядели совершенно иначе, включая проблемы с речью, которые могли возникнуть из-за хирургического вмешательства в работу мозга. А могли быть и естественным следствием врожденных изменений...

Недели через две после встречи, с которой начался наш рассказ, Герман Викторович набрал номер Антона Семеновича:

— Простите, пожалуйста. Не подскажете, когда вам делали ту операцию? Вы говорили «пять лет». А точнее?

Удивленный звонком и обрадованный тем, что у славного журналиста не увял интерес к его сообщению, тот назвал дату. Это было почти шесть лет назад.

Первый матч, в котором молодой Скарятин проявил не просто прекрасные спортивные качества, отличавшие его еще в детских играх (сохранились отзывы и о них, хотя и достаточно лаконичные), но уже продемонстрировал то, что можно было назвать чудом, состоялся четыре с половиной года назад. Но это опять же ничего не объясняло: полтора года могли быть и случайной разницей во времени, и достаточным сроком, чтобы от неожиданного *эффекта*, проявившегося у никому не известного Тармакова, выходящий ученый-нейрохирург дошел до целенаправленного *результата*, достигнутого у подающего надежды футболиста.

Ничего не оставалось, как договориться о встрече с профессором Пихоровым.

Услышав, что с ним хочет встретиться Герман Колымака, профессор, принадлежавший к поколению, для которого это имя было весьма значимым, радостно воскликнул: «Ну конечно!» — но сразу сообразил, что, скорее всего, причина этой встречи — пошатнувшееся здоровье знаменитого журналиста. Поэтому он изменил тон и спросил, профессионально имитируя озабоченность:

— А в чем дело? Вас что-то тревожит?

Герман Викторович потом ругал себя за то, что не соврал, сказав, что, мол, да, хочет *показаться*. В конце концов, хотя он и не ощущал никаких проблем с головой, но на восьмом десятке что-нибудь да найдется, и можно было спокойно договариваться о приеме и уж там, по ходу разговора, спросить про Скарятина. Однако в тот момент он этого не сообразил и ответил, простодушно гордясь своим здоровьем:

— Да нет, со мной все в порядке. Я хотел поговорить... как бы проконсультироваться... на спортивную тему.

— Со мной? Я, увы, к спорту отношения не имею.

— Ну это... Как бы сказать, не чисто спорт, а спортивно-медицинский вопрос.

— А какой, если не секрет?

— Не секрет, конечно, но по телефону я бы не хотел... Так когда можно к вам заглянуть?

Профессор пошуршал бумагами и уже без всякого энтузиазма назначил встречу на пятницу.

Но когда в пятницу сгорающий от нетерпения Герман Викторович вошел в Центр нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко, на входе его встретил ассистент профессора и сообщил, что тому потребовалось срочно уехать в командировку, но что на все вопросы может ответить его заместитель Т., тоже профессор.

— Да нет... Мы же с ним договаривались. Как странно.

— Он вам звонил, — поспешил добавить ассистент. — Но не дозвонился. Проходите, профессор Т. ждет вас.

Герман Викторович спросил:

— А... надолго он уехал?

Ассистент замаялся, что было тоже довольно странно — не знать, надолго ли отбыл шеф. Но все же сказал, что недели на две. И Герман Викторович решил, что две недели ничего не меняют.

Конечно, можно было и у профессора Т. спросить, лечился ли у них Дмитрий Скарятин и когда. В конце концов, пять лет — не тот срок, чтобы могли исчезнуть записи. Но сам неожиданный отъезд Пихорова, да и то, как изменился его тон, едва он услышал, что речь идет о *спортивно-медицинском* вопросе, не внушали надежды на легкое получение нужной информации. На основании своего долгого жизненного опыта Герман Викторович знал, что любую проблему надо решать на самом высоком уровне, и предпочел дожидаться заведующего кафедрой, а не встречаться второпях с его заместителем.

Однако ответ на свой незаданный вопрос, пусть и в косвенной форме, он получил гораздо раньше, а именно в тот же вечер. Позвонил знакомый редактор большого спортивного журнала и в ходе приятной, почти светской беседы (Как дела? Как здоровье? А у тебя? А твое? И т. д.) мимоходом, но с явным нажимом посоветовал не увлекаться странными вопросами. А когда Герман Викторович попросил его уточнить, засмеялся и ответил:

— Да нет, это я так. Знаешь, на старости лет вдруг стукнет: «А не заняться ли журналистским расследованием?» Жанр такой модный, слышал небось? Но это уже не для нас. Пусть молодые балуются. Я, конечно, ни на что не намекаю, просто есть вопросы, куда лучше не лезть.

И по тому, что Герман Викторович не стал допытываться, на что именно *не намекает* заботливый советчик, стало ясно, что он прекрасно понял, о чем идет речь.

Собственно говоря, больше выяснять ничего не требовалось. Вопрос — что делать дальше?

В чем не ошибся Антон Семенович, так это в том, что Герман Колымака не будет праздновать труса, столкнувшись с риском даже для жизни. Но разве тут дело в страхе?

Во-первых, в Центр Бурденко соваться не имело смысла: уж если профессор не опубликовал своего открытия (а иначе оно как-нибудь да просочилось бы в сеть), то ясно, что от него ничего не добиться.

Но главное — ужасала одна только возможность не то чтобы даже лишить миллионы своих соотечественников долгожданного счастья, но хотя бы это счастье омрачить. Герман Викторович смотрел вокруг и видел изменившуюся страну. На его веку было много перемен, и политических, и других. Он прекрасно помнил всеобщий восторг и радость единения после полета Гагарина. День Победы он не помнил, но по рассказам старших представлял, что тогда творилось в стране. Похороны Сталина в его детской памяти отложились озаренные, правда, печальным, но все-таки тоже каким-то объединяющим всех чувством. Много было... Но все как-то быстро улечувивалось. За Победой пришло осознание потерь, половина их класса не имела отцов, да что там полкласса: с войны не вернулся и Виктор Колымака. Со Сталиным вообще все распалось почти сразу, задолго до официальных разоблачений, как только стали возвращаться первые освободившиеся. Конечно, полет Гагарина остался непреходящей радостью. А потом, кстати, так же людей объединило прощание с ним. Но все же это было где-то далеко, на то и космос. А футбольное чемпионство, да еще двойное, как воцарилось в каждой душе, так его свет со временем даже ярче разгорался. Наши военные и космические победы возникли на фоне всеобщей уверенности в том, что мы всех всегда побеждаем и что наша наука — самая передовая в мире. Поэтому та радость — радость еще одного подтверждения, уже известного, — быстро растворилась в привычном ощущении и без того существовавшего величия. И пусть оно существовало подчас только в нашем сознании, но ведь мы же о сознании и говорим. А футбол — совершенно другое дело! Триумфы пришли тогда, когда все уже отчаялись их ждать, когда уверились, что так все всегда и будет: всплеск робких надежд и их крушение каждые два года. И вдруг — появился он, спаситель нашей спортивной чести — Дима Скарятин! Он стал для каждого братом, сыном. Да что там! — гораздо больше: братьев и сыновей может быть сколько угодно, а Дима — единственный! И то, что он в той же мере, как тебе, принадлежит еще несметному количеству людей, не отдаляет его, а сплечивает нас всех в одну семью. Нет, разорвать это единство — хуже физической смерти, страшнее, чем схватить нож и пойти резать всех направо и налево...

Хотя нет. Не это главное! В тысячу раз ужасней было другое.

Герман Колымака всю жизнь исповедовал принцип, что нет большего преступления, чем скрывать правду, что на лжи ничего не построишь. И даже не на прямой лжи, а на экивоках и недоговорках, вводящих в заблуждение. Если бы на одной чаше весов лежало спортивное счастье миллионов, а на другой — Правда, он, не задумываясь, выбрал бы Правду. Но самая неожиданная и удручающая правда открылась, когда, со всей откровенностью заглянув в собственную душу, он понял, что сам — один из этих миллионов, готовых на всё, лишь бы видеть чемпионский кубок в руках своих соотечественников. Не ради них, а для самого себя Герман Викторович Колымака не мог, не имел сил поведать миру о том, что открылось ему.

Сто раз на дню он твердил себе: «Как я был счастлив, когда ничего не знал! Принес же черт этого гада Тармакова!» Однако, как ни крути, время назад отмотать нельзя, и вот теперь он *знает* — и что?

Герман Викторович изменился. Время от времени он задавал Надежде Федоровне странные вопросы, вроде: «А вот если бы я вдруг оказался предателем Родины, ты бы от меня отвернулась?» Она сперва отшучивалась, потом стала отвечать: «Не говори глупостей!» И наконец огрызнулась: «Да я еще раньше отвернусь: больно мне надо

такое слушать!» Вопросы прекратились, но легче от этого не стало: она видела, что они никуда не исчезли, а просто муж замкнулся. Он даже перестал делиться с ней всякими забавными или курьезными фактами, вычитанными в Интернете. Ей только была невдомек причина этого — то, что, садясь за компьютер, он больше не шарил по разным интересным страницам, а либо пересматривал в стотысячный раз видео со Скарятиним, либо искал в сети крохи информации о нем, в надежде узнать, что гениальность спортсмена имела-таки природное происхождение и проявилась еще на ранних стадиях его карьеры, а желание скрыть физическую причину этой гениальности происходило от нашего традиционного стремления засекретить все что можно.

Тем временем шли отборочные игры следующего чемпионата Европы. По регламенту Россия, хотя и была действующим чемпионом, должна была пройти и этот этап. Что, кстати, оказалось сюрпризом для большинства болельщиков. Поначалу они это восприняли как враждебные происки, но потом оказалось, что так было и раньше, просто тогда вопрос участия или неучастия *действующего* чемпиона был для нас неактуальным и этот пункт правил никого не волновал. Впрочем, в победе никто не сомневался: ну хотят — поиграем, нам не жалко.

Играли с Италией. В первом тайме Скарятин провел три гола. Оно бы ничего, но итальянцы сумели пробиться через нашу оборону и отквитать один мяч. При счете три—один тренер не решился увести с поля форварда. Комментатор со смехом вспоминал те ушедшие в прошлое времена, когда вести с итальянцами в счете, да еще с разницей в два мяча, было почти недостижимой мечтой, — а вот теперь нам это кажется недостаточно надежным разрывом, и мы уверены, что в первые же минуты второго тайма его увеличим!

В перерыве тренер заменил второго нападающего на еще одного защитника, поставив практически несокрушимую стенку перед нашими воротами, в полной уверенности, что Скарятин и в одиночку справится с четвертым мячом, а потом... ну, что потом, уже не очень важно. Да, по правде сказать, и совсем неважно: деморализованные итальянцы, казалось, были довольны уже тем, что проиграют не всухую. Деморализация выразилась в грубой игре. К счастью, нашего фаворита защищали умение видеть вокруг на триста шестьдесят градусов и нечеловеческая реакция — качества, казавшиеся чудом для всех болельщиков, кроме Германа Викторовича и Антона Семеновича. Однако способность уходить от опасности уводила Скарятину и от центра игровых событий. Время шло, а мяч всё не залетал в ворота противника. К тому же реакция реакцией, а защищать нашего форварда тоже надо, поэтому неподалеку, сменяясь время от времени, дежурил кто-то из его товарищей, и это, конечно, тоже ослабляло команду.

Напряжение дошло до того, что один из итальянцев, почти не скрывая своих намерений, бросился в сторону Скарятину. Тот легко ушел от нападения, но его добровольный охранник все же преградил путь агрессору. Столкновение — и обоих игроков унесли с поля. У итальянцев это была первая замена, у нас — вторая. «Сейчас мы заменим сразу двух игроков: Диме тоже надо отдохнуть», — предсказал комментатор. Однако ошибся: тренер все еще не решался увести Скарятину.

Пошла шестьдесят восьмая минута. Собственно говоря, итог игры был и так ясен. Ну не будет четвертого гола, ну даже сумеют итальянцы забить еще один. Да даже и два: мы отвыкли от ничьих, но на худой конец ничья в этом матче нас тоже устраивала. Пора, пора было Скарятину покинуть поле. У кромки уже разминался его товарищ, а тренер направился к судье, чтобы сообщить о замене, и в этот момент... наш вратарь... Это просто глупость какая-то! Если бы можно было отнести это на счет грубой игры противника! Но нет, сам по себе, никто его не толкал, и даже момент был не особо опасный. Прыгнул вбок и со всего маху ударился запястьем о штангу.

Игра остановилась. Прибежали медики. Казалось, еще немного — и все пойдет своим чередом. Но медицина оказалась бессильна: голкипер владел только одной рукой. Стадион замер: кого будут менять? Тренер подозвал Скарятину, они о чем-то поговорили, и на поле вышел вратарь: как ни крути, а разрыв в два очка с итальянцами — не та ситуация, когда можно рисковать воротами.

Матч продолжался. Операторы по привычке то и дело направляли свои камеры на Скарятину. Но что это? Гениальный спортсмен уже почти не двигался. Еще немного — и он сел на траву. Потом прилег, опираясь на локоть и так наблюдая за игрой. А итальянцы оживились. Запасной вратарь в наших воротах — по-любому не сильнее основного. Да и форвард команды фактически выпал из игры. Появилась надежда! Надежда победить непобедимую Россию! О-го-го!

И тогда Дмитрий Скарятин собрал все свои силы, поднялся, побежал... пошел шагом... пошатнулся... отступился... и рухнул!

По стадиону пронесся многотысячный вздох! Волнение, крики: споткнулся, ушибся... Никогда такого не было — нечеловеческая реакция, и вот на тебе!

Пока еще все удивлялись... А попробовали бы они сами провести на поле часов пять подряд, а то и больше — в пересчете на наше обычное время! И не просто провести, а с полной игровой нагрузкой! Да еще когда голова... Ну вы понимаете. Впрочем, об этом никто не догадывался.

С итальянских трибун понеслись насмешливые выкрики и свист: вот, мол, ваш хваленый гений; побегал несколько лишних минут и уже на ногах не держится; сверхзвуковой слабак и тому подобное. Кто-то вскочил и заплясал, размахивая руками. Весело замелькали опущенные было флаги с тремя вертикальными полосками.

Но вскоре танцоры опустились на свои места, и флаги поникли. Гогот затих. Вообще все смолкло.

Стадион замер. Да что там стадион! Весь мир затаив дыхание следил за происходящим на экране и слушал бессмысленное бормотание комментаторов на десятках языков. Комментаторы так же ничего не понимали, как и все остальные, но по долгу службы не могли молчать и бестолково разъясняли то, что было понятно и без них: что количество медиков все умножалось, что на смену простым врачам, дежурящим на матче, пришли реаниматологи, что подвезли какой-то прибор... Судя по тому, что Скарятину не унесли с того места, где он упал, его нельзя было перемещать. Нет, конечно, какого-то другого игрока все равно бы убрали с поля, пусть со всей осторожностью, но убрали бы. Игра может задержаться на несколько минут, но она не может прекратиться. Однако здесь речь шла о человеке, на которого никакие правила не распространялись.

Время шло, комментаторы в который раз повторяли одно и то же, потому что ничего нового не происходило. И вдруг всё стало ясно. Распрямились спины тех, кто все это время стоял, согнувшись над нашим Димой, или ползал вокруг его тела на коленях, и все поняли: надежды больше нет. И хотя в этом объявлении уже не было необходимости, оно все же прогремело над стадионом и, размноженное сотнями миллионов динамиков, в сотнях миллионов квартир: «Игрок сборной России Дмитрий Скарятин скончался!»

Оставшиеся до конца матча двадцать минут — двадцать! не две, не пять, а почти полтайма! — игроки обеих сборных стояли на поле неподвижно, как в почетном карауле. И на трибунах тоже не осталось ни одного сидящего. Что творилось у них в головах? Оплакивали они того, кто, подобно спортивному ангелу, слетел на Землю, озарил мир своим светом и унесся, оставив нам на память несколько десятков чудес, запечатлен-

ных видеокамерами, или, благопристойно сохраняя скорбный вид, подсчитывали шансы своей команды на дальнейший успех в изменившихся условиях — нам не дано узнать. Точнее сказать, были и такие, и такие. Камеры скользили по трибунам, показывая лица, на которых струйки слез исказили нанесенные перед матчами полосы национальных флагов. Даже комментаторы опустили микрофоны.

Через двадцать минут судья поднял руку с часами, поднес к губам свисток и коротко дунул в него, объявляя человечеству: всё кончено. В протяжном свисте не было необходимости: уже двадцать минут назад все знали, что матч закончится со счетом три—один. Хотя, собственно, *всё кончено* относилось не к этому результату...

Закончен и наш рассказ. Что касается его героя, то он больше не задает нелепых вопросов, снова интересуется разными любопытными фактами и делится ими с окружающими. И только время от времени его охватывает какая-то тоска. Да и кого из нас она не охватывает после того, как... Эх, да что уж тут говорить!..